

Н. НАЧИНКИН

МАТЕРИАЛЫ «ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО БЮРО» В. Н. ТЕНИШЕВА В НАУЧНОМ АРХИВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР

В Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде имеется архив «Этнографическое бюро» В. Н. Тенишева. Этот архив хранится в музее около 50 лет, но еще никем не использовался как источник этнографических, исторических, филологических, экономических и других материалов по русскому народу, а отчасти и по смежным с русским населением иным народностям. Есть лишь упоминание об этом архиве в статье С. А. Токарева «Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии»: «...Интерес к этому быту (к быту русского народа.— Н. Н.) отразился и в таких характерных явлениях, как организация частного «Этнографического бюро» князя Тенишева (1897), который при помощи удачно налаженной системы анкет сумел собрать с разных концов страны объемистый материал по обычаям, верованиям, народным знаниям и пр.— позже хорошо обработанный и опубликованный»¹.

С последним утверждением С. А. Токарева приходится не согласиться, ибо рукописи Бюро были использованы и опубликованы лишь в незначительной части. Видимо, С. А. Токарев имеет в виду вышедшие в свет работы С. В. Максимова и Г. Попова, о которых будет сказано ниже.

Личный архив В. Н. Тенишева вместе с материалами «Этнографического бюро» после его смерти был передан в 1904 г. его женой М. К. Тенишевой в Этнографический отдел Музея Александра III. Во время наводнения 1924 г. архив был частично попорчен.

В 1939—1941 гг. работником архива Государственного музея этнографии народов СССР А. Г. Данилиным была проведена большая работа по составлению описей на рукописный и машинописный материал «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева. Однако архив был разобран лишь частично; А. Г. Данилиным был составлен аннотированный указатель на 466 рукописей, но и этот указатель не опубликован, поэтому пользоваться им научные работники других учреждений не имеют возможности.

Небезинтересны некоторые биографические данные В. Н. Тенишева, проливающие свет на его научные работы и на причины, побудившие его организовать «Этнографическое бюро». Среди материалов «Этнографического бюро» имеются документы, характеризующие основателя бюро князя В. Н. Тенишева как землевладельца и акционера Путиловского и Брянского заводов, владельца машиностроительного завода в Ростове-на-Дону. Крупный помещик и капиталист, В. Н. Тенишев слыл за либерала и занимался своеобразной научной и просветительной деятельностью. В 1898 г. он открыл в Петербурге семиклассную общеобразовательную школу, по программе приближающуюся к курсу реальных училищ. В свою школу Тенишев пригласил лучшие преподавательские силы, и контингент учеников отбирался по принципу имущественного положения родителей; плата за право учения была очень высока. В 1900 г. Тенишев основал Институт промышленных знаний, который в одном своем письме он характеризовал как «образовательное учреждение, имеющее целью распространение в русском населении знаний, соответствующих подъему отечественной промышленности во всех отраслях».

Вот этот-то князь-меценат и задумал написать монографию, философски объясняющую явления общественной жизни в связи с быстрым ростом революционного движения в России в 90-х годах XIX в. Тенишев как представитель господствующего класса попытался в своей работе выявить причины роста революционного движения и наметить конкретные мероприятия по устранению недовольства среди народных масс. На страницах своей книги «Деятельность человека» он заявляет, что «...каждому администратору необходимо иметь сведения о поступках и поведении управляемых»². Подобрать необходимый ему материал Тенишев хотел через «Этнографическое бюро». Основные идеи, развиваемые В. Н. Тенишевым в его книгах, а также и в его практической педагогической деятельности, воплотились в изданной им обширной про-

¹ «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 175.

² В. Н. Тенишев, Деятельность человека, СПб., 1898, стр. 10.

грамме³, где до мельчайших подробностей разобраны следующие этнографические вопросы: физические природные свойства крестьян, местные условия жизни крестьян, празднества, общинное владение, отличительные особенности наречия крестьян различных районов и т. п.

Как указывается в предисловии к «Программе этнографических сведений о крестьянах Центральной России», за исходную точку классификации вопросов программы было «взято распределение вопросов по потребностям индивидуальной и общественной жизни человека, которым, при данных окружающих условиях, соответствуют поступки и поведение изучаемых людей...». Та же мысль проводится и в книге Тенишева «Деятельность человека»⁴. В. Н. Тенишев считал, что «в развитой нации необходимо выделить людей, сообразно той роли, которую они играют в обществе, и изучать отдельно, например: крестьян, солдат, чиновников и т. д.»⁵.

В Материалах «Этнографического бюро» имеются две подробные программы: «Программа этнографических сведений о русских городских жителях образованного класса» и «Программа этнографических сведений о русских чиновниках». Кроме того, сохранилось небольшое обращение к ученым-социологам (на французском языке) с предложением собирать данные по народным волнениям в XVI—XIX вв.

В нашу задачу не входит подробный анализ теоретических установок титулованного «социолога»: они вполне соответствуют мировоззрению представителя господствующего класса и отражают особого рода «этнографические интересы» российских помещиков и капиталистов. Наша цель — познакомить читателя в общих чертах с работой «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева по собиранию этнографических сведений о русском населении Центральной России, а также дать характеристику отдельных корреспондентов Бюро и их рукописей. Материалы собраны в 1897—1899 гг. путем рассылки «Программы» с вопросами этнографического характера о крестьянах Центральной России.

Первоначально В. Н. Тенишев думал осуществить обширную программу этнографических исследований при посредстве Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве. Эта попытка не увенчалась успехом, может быть, потому, что реакционные идеи Тенишева не были близки прогрессивно настроенным деятелям этого Общества, а может быть потому, что В. Н. Тенишев хотел сам возглавлять эту работу.

Вначале в Бюро работало лишь четыре человека (А. Буланин, С. Валушинский, К. Лавровский, А. Угаров), которые занимались технической работой по подготовке программы к изданию. В последующие годы весь первоначальный состав Бюро был заменен и число служащих намного увеличилось. В 1898 г. насчитывалось уже 13 сотрудников со строгим распределением обязанностей: редактор — известный этнограф С. В. Максимов, заведующий Бюро Чарушкин, художница Ребиндер и ряд других. Руководили работой, прежде всего, сам Тенишев, первым его помощником был С. Максимов, редактировавший рукописи корреспондентов. Впоследствии функции руководства Бюро постепенно перешли в руки С. Максимова, первым редактором стал П. Кашинский, а в качестве второго редактора с 1898 г. работал Г. Попов.

Бюро сразу же развернуло энергичную деятельность. В 1897 г. Тенишевым была издана в Смоленской губернской типографии печатная «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», которая была разослана в конце того же 1897 г. во все губернии России. Эта программа была переиздана там же вторично в 1898 г. и разослана не только губернским, но и уездным властям. Кроме того, корреспондентам периодически рассылались письма. Поступление материалов от корреспондентов началось 15 февраля 1898 г. и особенно усилилось к концу этого года. 1 июня 1898 г. Бюро разослало губернским и уездным властям (в частности, земским начальникам, инспекторам училищ и т. д.) печатные циркуляры с предложением выделить наиболее толковых корреспондентов для собирания сведений по «Программе». Корреспондентами Бюро в большинстве оказались народные учителя, земские работники, волостные писари, духовенство и некоторые представители крестьянства. Авторство корреспондентов оформлялось таким образом, что авторы передавали свои права на собранные ими материалы «Этнографическому бюро», которое оплачивало листным гонораром присылаемые оригинальные рукописи.

В имеющемся в начале «Программы» «Обращении к сотрудникам» говорится: «Сотрудник должен постоянно помнить, что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы; поэтому к вопросам программы необходимо приурочить отдельные наблюдения, поставив себя в положение достоверного свидетеля о виденном и слышанном в народном быту.

Общие же выводы будут сделаны Центральным этнографическим бюро в С. Петербурге»⁶.

Однако Бюро старалось регулировать характер материалов, получаемых от своих

³ «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России». Составлена Тенишевым. Смоленск, 1897.

⁴ В. Н. Тенишев, Деятельность человека, стр. 3.

⁵ Там же, стр. 4.

⁶ «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», стр. 5.

корреспондентов, указывая на желательность присылки одних материалов или нецелесообразность — других. Например, в одном из циркуляров даются такие указания: «Имея в виду, что главнейший цикл сказок почти весь исчерпан Афанасьевым и Далем, а варианты тех сказок не представляют существенного интереса, Бюро решило из материала этого рода принимать на будущее время лишь одни сказки, рисующие бывшие отношения между помещиками и их крепостными и между духовенством и крестьянами. Что касается песен, то, находя большинство из них уже вошедшими в различные печатные сборники или подобно «частушкам» и фабричным песням не имеющими особенного значения, Бюро сочло нужным из всего цикла необрядных песен остановиться лишь на собираннии малоизвестных солдатских песен или тех, которые поются по случаю призыва новобранцев, а также лирических песен старинного (обыкновенного не рифмованного) склада; наконец, относительно «заговоров» и «заклинаний», придя к убеждению, что материал этого рода является повсеместно тождественным между собою и не представляющим ничего нового, Бюро находит своевременным заявить о прекращении дальнейшей высылки означенных заговоров и заклинаний... Вместе с тем Бюро просит сотрудников воздержаться от описания спосов различных производств, устройства орудий, способов изготовления их и т. п., так как подобные описания к предмету этнографии мало относятся и программой не требуются» (Циркуляр № 14).

Рука автора «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России» видна и в редакционной обработке присланных материалов (желание затушевать социальные противоречия, вымарывание всего, что компрометирует действия властей, и т. п.) и в руководящих указаниях редакторам рукописей. Это требует особенно осторожного подхода к тем материалам, которые уже (после редакционной обработки) перепечатаны на машинке.

После редакционной обработки материал раскладывался по губерниям, а внутри губерний — по отделам и параграфам «Программы». Общее число рукописей, поступивших от 348 корреспондентов Бюро (из 24 губерний), — 1444; из них было возвращено авторам 226. В архиве, таким образом, находится 1218 рукописей. За весьма небольшим сроком — три года — «Этнографическому бюро» удалось собрать довольно обширный этнографический материал.

По губерниям рукописи распределяются следующим образом: 1) Владимирская губ. — 60 рукописей, 2) Воронежская — 7, 3) Вологодская — 278, 4) Вятская — 40, 5) Казанская — 25, 6) Калужская — 63, 7) Курская — 6, 8) Московская — 3, 9) Нижегородская — 33, 10) Олонекская — 18, 11) Новгородская — 135, 12) Орловская — 308, 13) Пензенская — 137, 14) Петербургская — 4, 15) Псковская — 9, 16) Рязанская — 43, 17) Самарская — 1, 18) Саратовская — 27, 19) Смоленская — 71, 20) Симбирская — 22, 21) Тамбовская — 24, 22) Тверская — 17, 23) Тульская — 26, 24) Ярославская — 87.

Сразу же по окончании обработки материалов было предположено их напечатать в виде двухтомной монографии «Быт великорусских крестьян-землепашцев», о чем и было оповещено на обложках ранее изданных книг⁷. Фактически было опубликовано лишь незначительное количество материала.

Прежде всего, после обработки ответов на вопрос № 473 «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России» (стр. 218—219 — «Болезни и их лечение»), а также на вопросы, касающиеся верований и знахарства, доктор медицины Г. Попов издал известный труд: «Русская народно-бытовая медицина по материалам «Этнографического Бюро Тенишева»⁸. Затем С. В. Максимов взялся за разработку материалов по верованиям. Его книга «Нечистая, неведомая и крестная сила», написанная на основе материалов Этнографического бюро, вышла в 1903 г. уже посмертным изданием. Последняя глава этой книги была закончена А. А. Яблоновским, работавшим в то время редактором «Этнографического бюро» Тенишева.

За неимением возможности разобрать в отдельности каждого корреспондента, приславшего свои материалы в «Этнографическое бюро», мы коротко остановимся главным образом лишь на тех корреспондентах, материалы которых не были использованы и остались неопубликованными.

Одним из активнейших корреспондентов был Ф. Казанский — священник Иоакимовской вол. Шуйского уезда Владимирской губ. От него «Этнографическое бюро» получило 15 рукописей, в которых он ответил по 283 параграфам «Программы». В рукописи за № 36 подробно описано сватовство и свадебные обряды. В рукописи за № 41 собрано 14 текстов распространенных в этой местности песен и среди них свадебные песни: «Гуляла я, девочка, во садочке», «Шла я мимо сада», «По тем травкам по муравкам», «Много участи терплю», «Теща про зятя обед припасла» и другие

⁷ «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольфа» № 7—8, апрель — май 1899 г. О подготавливавшейся к печати работе «Быт великорусских крестьян-землепашцев» имеются упоминания и в периодической печати. Так, в газете «Новости дня», № 5261 от 24 января 1898 г. появилась информация, что В. Н. Тенишев готовит к предстоящей в 1900 г. всемирной парижской выставке «роскошное издание по этнографии России, расходы по которому он берет на свой счет».

⁸ Г. Попов, Русская народно-бытовая медицина по материалам «Этнографического Бюро» Тенишева, СПб., 1903

Приведен словарь местных слов (ведаю — знаю, вестимо — конечно, оприч — кроме и т. п.), собраны местные пословицы и поговорки («вот-те и фунт с походом», «не дорого пить, а дорого быть», «жених — не гриб, в день не вырастает»). В рукописи за № 42 сообщается о том, что в Иоакимовской волости среди населения преобладают фабричные рабочие (близость г. Шуи). Описываются украшения домов, резьба, рассказывается о деревенских резчиках, мастерах-самоучках. Интереснейший исторический материал можно найти в рукописи Ф. Казанского за № 43, где помещены рассказы — воспоминания участников русско-турецкой войны 1868—1871 гг., сведения о голоде в Вологодской губ. в 1891 г., о холерных эпидемиях в 1871 и 1892 гг., а также сведения о фабричных стачках 1897 г. в городах Иваново-Вознесенке и Шуе. Рукопись за № 48 интересна тем, что в ней подобран материал, специфичный для фабричного района. В остальных рукописях затронуты такие вопросы «Программы» как «общее имущество семьи», «выдел и раздел», «женское имущество при дележе» и т. д. Факты описаны весьма подробно. Наконец, в рукописи за № 50 можно найти подробное описание жилища и сельскохозяйственных построек, с приложенными к ним двумя рисунками сельскохозяйственных орудий и утвари. Разбирается одежда крестьян и влияние городской одежды на крестьянскую.

Для лингвистов, занимающихся отдельными говорами русского народного языка, небезинтересны рукописи П. А. Пешкова — студента IV курса Московской духовной академии. В рукописи приводятся некоторые локальные особенности цокающего диалекта крестьян Вельского уезда Вологодской губ. Приводятся примеры грамматических форм местного говора. В частности, при окончании существительных и глаголов на «сть» буква «т» опускается: гордость — гордосе, честь — цесь и т. п.

Большое внимание уделяет автор этой рукописи чисто этнографическим описаниям жилища и хозяйственных построек крестьян, с приложением подробнейших планов. Вся местная терминология по жилищу и хозяйственным постройкам приводится отдельно с точными объяснениями. Например: «Дом — так называется дом на двуската; изба, избушка — дом, крытый на один скат; избой называется и зимняя пристройка к дому, которая иначе еще называется подызбице; подполье — яма под полом против печи, для хранения запасов, закрывается западней» и т. п. Эта часть рукописи содержит также интересный этнографический материал о сельских сходках и гостеприимстве крестьян, распределении работ между членами семьи.

Значительный материал содержится в рукописях А. А. Аристрахова (№ 73—81). Особые разделы содержат сведения об экономике деревень, об отхожих промыслах, о неземледельческих занятиях крестьян, о сельскохозяйственном цикле. Большое значение имеет рукопись за № 73, где даны общие сведения о физическом складе населения Вологодского уезда Вологодской губ. Кроме описательных признаков, здесь приведена таблица среднего роста как мужчин, так и женщин.

В первой рукописи А. Н. Голубцова от 5 августа 1898 г. за № 128 подробно описаны некоторые моменты свадебного обряда в Грязовецком у. Вологодской губ.: сватовство, запорuki, причитания невесты и песни девушек (полный текст), «маленький стол», обряд разбивания горшка и т. п. В силу указанных циркулярами «Этнографического бюро» установок многие рукописи повторяют друг друга, но даже в этих случаях нередко встречаются интересные варианты. Так, например, к рукописи Голубцова за № 128, как и к рукописи Казанского за № 41, приложены словарь местных слов, но среди повторений в словаре местных слов Голубцова можно найти новые данные: кресы — передний угол в избе, пошовка — лукошко с крышкой, кутья — место у дверей под полатями и т. п.

Рукопись Голубцова за № 129 содержит интересные сведения о местности, о владельцах сельского хозяйства, о путях сообщения в весеннюю распутицу. Подробно описан обычай гостеприимства, по которому «в местные праздники... каждый знакомый или незнакомый получает в качестве угощения рюмку водки, кусок пирога и закуску и ковш вина», и т. п.

Весьма примечательны ответы заведующего метеорологической станцией А. А. Каменева. Им прислана 21 корреспонденция. Среди них в рукописи за № 145 приведен список литературы, которую читают крестьяне в доме сельского учителя. Автор рукописи указывает: «Покупая книги, крестьянин преследует при этом особые свои цели: приучить детей, хотя бы через посредство чтения книг, к возможной самостоятельности». В этой же рукописи привлекают внимание отзывы крестьян Грязовецкого уезда Вологодской губ. о великих русских писателях Пушкине, Гоголе, Толстом. Вот например, отзыв читателя-крестьянина о произведении Гоголя «Тарас Бульба»: «Хорошая история, истинно хорошая, по духу русскому мужику».

Следует отметить рукописи А. А. Каменева и П. О. Малкова (№ 149) о крестьянских сходках, о местном начальстве, о «строгостях» при взимании податей, о злоупотреблениях. Эта рукопись изобилует жалобами крестьян на начальство и его злоупотребления. Интересно, что при редактировании рукописи все меткие замечания о грубости и самоуправстве местных властей были вычеркнуты редактором Бюро.

Можно остановиться еще на одной рукописи А. А. Каменева (№ 154), в которой содержатся сведения о питании крестьян. В рукописи приведены подробные данные о пищевом рационе бедняцкой, середняцкой и кулацкой семей, расчеты расходов всех видов продуктов и перечень употребляемых блюд.

Весьма интересны рукописи В. Покровского за № 308—309, в которых имеются

сведения не только по русскому населению, но и по удмуртам, коми-зырянам, пермякам и другим народам. С замечательной тщательностью проследил автор антропологические признаки местного населения Вологодской губ. Он убедительно, на наш взгляд, доказывает, что жители села Кайгородки Устьсысольского уезда — не кто иные, как обрусевшие зыряне. При этом отмечается, что передовая русская культура оказала значительное влияние на материальную культуру зырян, что многие из хозяйственных построек были заимствованы зырянами у русских. Отдельно сообщается о татарах — торговцах из Казанской и других губерний, приезжающих в села Устьсысольского уезда.

Корреспондент Суворов (также из Устьсысольского уезда Вологодской губ.) в рукописи за № 314 подробно описывает свадебные обряды обрусевших коми-зырян, а в следующей рукописи за № 315 помещает тексты по верованиям и космогоническим представлениям на языке коми-зырян с русским переводом.

Большой интерес представляет работа народного учителя А. Н. Шатова — рукописи за № 333—334. Даже при беглом знакомстве с его характеристикой «Зюздинского края» Вятской губ., где дается исторический экскурс с привлечением археологических данных, описание географической среды, — можно получить ценные сведения о быте крестьян, о средствах передвижения (волокуши и сани), о тесных взаимоотношениях русских с пермяками на протяжении двух столетий. Однако отмеченные рукописи — одни из очень немногих, в которых содержится материал по этнографии нерусского населения.

Наиболее видным сотрудником «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева был Д. К. Зеленин, который в бытность свою в г. Сарапуле Вятской губ. принял активное участие в работе этого Бюро. Им было прислано много рукописей, знакомящих с различными сторонами быта населения Сарапульского уезда. Рукописи Д. К. Зеленина хранятся под № 359—368. Ответы на все вопросы «Программы» даны подробные, с многочисленными примерами. Много фольклорного материала: поговорки, пословицы и пр. Рукописи Д. К. Зеленина увязаны между собой и как бы дают монографическое описание двух волостей Сарапульского уезда. Можно заметить, что при выборе этнографического объекта Д. К. Зеленин руководствовался стремлением выявить особенные, специфические, сохранившиеся от прежних времен национальные особенности.

В архиве «Этнографического бюро» имеются еще не обработанные документы, присланные также корреспондентами: образцы крестьянских писем, каталоги сельских библиотек, тексты и нотные записи песен, документы земельных процессов волостных судов, несколько «писем богородицы», копия с книги одного штундиста и т. п.

Какова же научная ценность архива «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева?

Прежде всего здесь имеются неопубликованные материалы. Разделы «Верования» и «Болезни», вошедшие в книги С. Максимова и Г. Попова, составляют лишь пятую часть «Программы», а все остальные рукописи (примерно $\frac{4}{5}$ рукописей архива) можно считать совершенно неопубликованными. Сведения корреспондентов «Этнографического бюро» приурочены к определенному времени, ко второй половине XIX в., и собраны по одной схеме. Несмотря на тенденциозность теоретических установок «Программы» этнографических сведений о крестьянах Центральной России, собранные по ней конкретные этнографические материалы бесспорно представляют большую ценность. Кроме общих монографических сведений о той или иной деревне, селе или районе, почти в каждом сообщении содержатся данные о верованиях, обрядах, фольклоре. Много данных по народной медицине, по семейному быту. Особенно подробны ответы на вопросы по обычному праву, занимающие в «Программе» более 50 страниц. Здесь землепользование и аренда, помочи, общинное владение, крестьянские сходы; имеются сведения об отношении к властям, к помещикам. Попадают материалы по народной технике (с чертежами), по жилищу (с планами). Правда, таких материалов сравнительно мало, так как Бюро не принимало их, квалифицируя подобного рода сведения как «не этнографические».

Научная разработка всех этих материалов, несомненно, даст существенные результаты. Между тем архив «Этнографического бюро» разработан совершенно недостаточно. Начатое работником архива А. Г. Данилиным дело по составлению аннотированного указателя к рукописям корреспондентов не завершено. Следует поднять вопрос о дальнейшей систематизации и изучении архива.